

Юрий Дергунов

ПРОСТРАНСТВА КРИЗИСА

Рецензия на: David Harvey. *The Enigma of Capital: And the Crises of Capitalism*. London: Profile Books, 2010. viii.

Имя Дэвида Харви уже не нуждается в особом представлении и для русскоязычного читателя. Этот теоретик-марксист, автор новаторских интерпретаций накопления капитала и империализма, тесно увязанных с актуальными политическими процессами, широко признан и за рамками «левого» лагеря, являясь одним из виднейших экономических географов мира. Поэтому выход его новой книги «Загадка капитала и кризисы капитализма», в которой затрагивается насущная тема экономического кризиса неolibеральной модели капитализма, начавшегося в 2007 году, был вполне ожидаем.

Впрочем, для Харви данный кризис лишь повод, чтобы поговорить о более широких проблемах динамики капитализма, географических аспектах его развития и альтернативных вариантах общественного устройства. Во многом эта книга является введением в многолетнюю работу Харви, введением дидактически безупречным, в каком-то смысле она открывает новые горизонты в его творчестве. Когда читаешь «Загадку капитала», возникает впечатление, что знакомишься с популярным лекционным курсом, посвященным марксистской критической географии, понятой предельно широко, и постепенно перерастающим в политический манифест. Это впечатление усиливается подчеркнуто пренебрежительным отношением к формальностям академического письма и библиографическим ссылкам.

Интерпретация кризиса конца «нулевых», сделанная Харви в первой главе, достаточно типична для «левой» критики неolibерализма. По Харви, конкретные проявления данного кризиса были порождены особенностями неolibерального капитализма, установившегося после кризиса 1973–1982 годов. Тогда ответом капитала на снижение нормы прибыли стало фактическое замораживание роста заработных плат, увеличение классового неравенства, концентрация капитала и политической власти. В совокупности с глобализацией капитализма, в результате которой в орбиту накопления капитала было вовлечено практически все население планеты, это привело к серьезным проблемам, связанным с перенакоплением капитала и невозможно-

стью его прибыльного вложения в реальное производство. Финансиализация капитала стала естественным ответом на подобные, тенденции, но она лишь отсрочила начало кризиса. При этом, с точки зрения Харви, появляется возможность говорить не только о кризисе экономики и классовых отношениях, но и о кризисе исторической географии глобального накопления, связанном с возвышением Восточной Азии на фоне роста задолженности ведущих западных государств.

В то же время Харви считает, что еще рано говорить о конце неолиберализма, поскольку его фундаментальные основы остались в неприкосновенности. Нет никаких причин утверждать, что кризис накопления положил конец неолиберализму как классовому проекту централизации богатства и власти. Это хорошо видно и по тому, что государства, в полном соответствии с неолиберальными догмами, делают все возможное для спасения финансовых институтов фактически за счет наемных работников.

События современности заставляют Харви обратиться к более общим аспектам теории кризиса как неизбежного порождения накопления капитала. В своем развитии капитал постоянно сталкивается с различными барьерами и пределами, нарушающими беспрепятственный поток капитала. Прежде всего Харви рассматривает особенности отношений между трудом и капиталом, которые могут привести к сопротивлению рабочего класса и росту стоимости рабочей силы, подрывающей прибыльность, а могут, в условиях слишком низкой заработной платы, породить и хроническую проблему реализации; и отношения между капиталом и природой, которые в силу хищнической эксплуатации могут подрывать естественные условия воспроизводства местных экономик, отраслей промышленности либо всего глобального капитализма (впрочем, Харви далек от присущего многим современным марксистам апокалиптического отношения к экологическому кризису). Разумеется, капитал и капиталистическое государство имеет целый ряд рецептов, направленных на борьбу с этими кризисными тенденциями, таких как подавление сопротивления со стороны рабочих, «пространственно-временные фиксации» (иными словами, долгосрочные инвестиции, поглощающие избыточный капитал или открытие новых рынков и т. д.), технологические и организационные решения. В который раз Харви обращается к теме первоначального накопления капитала (в его терминологии «накопления через лишение собственности»), которое, с его точки зрения, является не просто историческим процессом, приведшим к лишению докапиталистических мелких собственников средств производства и их пролетаризации, но перманентным для капитализма решением проблемы создания возможностей для прибыльного вложения частного капитала за счет приватизации государственной собственности и благ общего пользования. Однако эти решения сами могут вести к новым формам зарождения кризиса: например, технологические или организационные решения, повышающие производительность труда, в то же время ведут к снижению нормы прибыли. В целом Харви отрицает претензии на исключительно правильное объяснение кризисов со стороны трех исторически сложившихся марксистских теорий (сокращение прибыли в силу роста стоимости рабочей

силы; тенденция к снижению нормы прибыли в силу роста производительности труда; «недопотребление» со стороны рабочего класса). По Харви, кризис зарождается везде, где капитал наталкивается на пределы своей экспансии, и конкретные формы протекания этого процесса связаны в первую очередь с историко-географическим контекстом.

Как ни странно, но, казалось бы, «технический», находящийся в гетто экономической теории вопрос о причинах кризисов при капитализме подводит Харви к важным выводам, касающимся всей марксистской социальной теории. Он приходит к тому, что способы производства, в том числе и капитализм, представляют собой сосуществование семи различных «сфер деятельности», к которым он относит технологии и организационные формы; социальные отношения; институциональные и административные механизмы; производственные и трудовые процессы; отношение к природе; воспроизводство повседневной жизни; ментальные концепции мира. Ни одна из этих сфер не является определяющей, развитие каждой из них обладает определенной автономией, но в целом они тесно взаимодействуют между собой. И если вернуться к теории кризиса, то можно заключить, что кризисы порождаются неравномерностью развития этих сфер, но в общем выводы Харви носят гораздо более широкий характер, подводя его к «коэволюционной теории» социального развития, которая, с его точки зрения, отражает дух марксистского исторического материализма: *«Весь Марксов очерк выростания капитализма из феодализма фактически можно реконструировать и прочитать с точки зрения движения и взаимодействия семи различных выше-названных сфер деятельности. Капитализм не вытеснил феодализм путем некоей резкой революционной трансформации, основывающейся на силах, мобилизованных в рамках одной из этих сфер... Понадобилась коэволюция и неравномерное развитие различных сфер, прежде чем капитализм нашел не только свой уникальный технологический базис, но и свою систему убеждений и ментальных концепций, свою нестабильную, но явно основанную на классе конфигурацию социальных отношений, свои причудливые пространственно-временные ритмы и формы повседневной жизни, не говоря уже о производственном процессе и его институциональных и административных рамках, прежде чем стало возможным говорить о подлинном капитализме»* (р. 135). С этих позиций он критикует различные формы монистического детерминизма, такие как технологический детерминизм в его марксистской и немарксистской версии, «детерминизм классовой борьбы», географический детерминизм, институционализм. Пожалуй, из всех марксистских теоретиков Харви сейчас оказывается ближе всего к постальтюдосерианцам Стивену Резнику и Ричарду Вульффу¹, которые подвергали дружественной критике его предшествующие работы именно за недостаток диалектичности в оценке взаимозависимости различных явлений².

1. Resnick S., Wolff R. *Knowledge and Class: a Marxian Critique of Political Economy*. — Chicago: University of Chicago Press, 1987; Idem. *New Departures in Marxian Theory*. — London: Routledge, 2006.
2. Idem. *Dialectics and Class in Marxian economics: David Harvey and beyond* // *The New School Economic Review*. — 2004. — Vol. 1, № 1. — P. 91–114.

Конечно, это большой вопрос, насколько марксистской можно считать концепцию Харви, учитывая то, что он фактически отказывается от понятий, сформулированных Марксом в предисловии «К критике политической экономии» и базовых для марксистской социальной теории (производительные силы, производственные отношения и т. д.)³, не проясняя и неконкретизируя их, а попросту игнорируя. Удивляет и определенная концептуальная небрежность, при которой понятие «социальных отношений» как сферы деятельности зарезервировано за отношениями между классами, в то время как государство или собственность оказываются «институциональными и административными механизмами», словно бы институты не были социальными отношениями или словно бы не возникали социальные отношения в сфере повседневной жизни. Спорно и то, что согласие вызовет столь подробное и четкое деление на различные сферы деятельности. Впрочем, ясно, что, учитывая заслуженный авторитет Харви и скорость, с которой получили признание его концепции «пространственно-временной фиксации», «накопления через лишение собственности» или «реставрации классовой власти», его новый понятийный аппарат вскоре наверняка получит довольно широкое распространение.

Достаточно очевидной оказывается связь данного коэволюционного понимания капитализма с присущим Харви географическим подходом. По его словам, современная наука достаточно знает об общих принципах социальных изменений, но сталкивается с большими трудностями, когда требуется объяснить, почему эти изменения ведут к разным результатам в различных условиях. Именно география служит для Харви ключом, который переводит абстрактные принципы социальной (ко) эволюции в плоскость осязаемых, материальных конфигураций различных сфер деятельности, обретающих конкретное воплощение в определенных социально-пространственных ландшафтах, которые *производятся* в ходе неизбежно неравномерного развития. С другой стороны, пространственный фактор затрудняет понимание существующих тенденций. Харви проводит аналогию с метеорологией: на снимках спутника атмосферные процессы представляются совершенно хаотичными, и довольно тяжело выявить в этом хаосе реальные тенденции. Потоки капитала в пространстве представляются наблюдателю таким же хаосом. При этом производство пространства и конкретных мест носит противоречивый характер, подчиняясь различным императивам капитала — его стремлению к преодолению пространственно-временных барьеров и его же потребности использовать любые пространственные различия, будь то фундаментальные факторы, вроде различных уровней доходов, или милые особенности из области этнографии. Будучи помещенными в рамки определенной стратегии производства пространства и места, различные сферы деятельности могут гармонично, что не обязательно означает благоденствия населения, сочетаться между собой (Харви приводит примеры их взаимоусиления в случае докризисного

3. Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* — 2-е изд. — Т. 13. — С. 5–9.

Вашингтона или трущоб Индии) или, наоборот, вступать в противоречия (например, в случае деиндустриализирующейся провинции).

Более того, историческая география капитала оказывается неразрывно связанной с особыми формами территориальности, прежде всего с территориальным национальным государством, основной задачей которого является борьба за контроль над потоками капитала. При этом государство обретает собственную, автономную от капитала логику, что приводит к тому, что капиталистический империализм совмещает в себе две логики, капиталистическую и территориальную, что обуславливает очень сложный характер иерархических отношений между корпорациями, государствами и международными организациями.

Здесь обнаруживается еще несколько теоретических противоречий, по сути дела, между предыдущими социально-географическими работами Харви и его теоретическими новациями. Производство пространства на концептуальном уровне оказывается по своему воздействию процессом, равнозначным всем семи сферам деятельности. Более того, основными движущими силами, творящими пространство, становятся капитал и государство, т. е. совершенно конкретные отношения (институты).

Это концептуальное противоречие делается еще более очевидным, когда Харви доходит до рассмотрения роли неравномерного развития и производства пространства и их роли в развитии капитализма, отводя ключевую роль процессам урбанизации. Например, Харви говорит о революционной роли «османизации Парижа», градостроительных работах под руководством барона Жоржа Эжена Османа, начатых по поручению Наполеона III. Решая задачу поглощения избыточного капитала и труда и привлекая для этого новые технологические и организационные решения, Осман не только радикальным образом изменил структуру городского пространства, но и внес важный вклад в трансформацию городского образа жизни. Наконец, «османизация» породила рост спекулятивной кредитной системы, необходимой для финансирования урбанизации, крах которой в 1868 г. стал одной из важнейших причин франко-прусской войны и в конечном счете восстания Парижской коммуны.

Еще более важной для развития капитализма оказалась американская субурбанизация 1950-х годов, связанная с именем Роберта Мозеса, ставшего ее «первопроходцем» в Нью-Йорке. Субурбанизация привела к тому, что пригород превратился в неотъемлемую часть «большого» городского пространства, что, в свою очередь, потребовало значительных изменений в промышленности, транспорте, стиле жизни, социальной структуре, а также предполагалась возможность достаточно широкому слою рабочего класса воспользоваться плодами всех этих изменений. На новый уровень вышли и финансовые инструменты, обеспечивающие кредитование этого процесса. В целом, по утверждению Харви, *«процесс субурбанизации... играл ключевую роль в стабилизации не только американской экономики, но и всего американоцентричного послевоенного глобального капитализма»* (р. 169). В то же время она породила целый ряд социальных противоречий, от выступлений неудо-

влетворенных меньшинств, не имеющих доступа к престижному загородному пространству, до нефтяной зависимости американской экономики (и необходимости постоянного политического вмешательства на Ближнем Востоке), вызванного новой ролью автомобилей. Наконец, субурбанизация оказалась в эпицентре экономического кризиса 1970-х годов, особенно после финансового кризиса Нью-Йорка 1975 года. Все это привело к ситуации, когда ответом капитала и государств на кризис стал неолиберализм.

Кризис неолиберализма же, в свою очередь, также должен разрешиться через новые формы географической реструктуризации.

Можно спорить о том, насколько соответствует реальности эта картина. Несомненно, она придает новые и очень интересные измерения марксистской критике капитализма. Но ясно и то, что Харви в своей реконструкции производства пространства и его влияния на стабилизацию и трансформацию капитализма приходит к своеобразной форме географического детерминизма, только на этот раз это оказывается детерминизм специфического, социального, а не физического пространства. Значит, объявив «крестовый поход» всем формам детерминизма, Харви породил еще один. Географ все-таки возобладал в нем над социальным теоретиком «сфер деятельности».

В целом рассмотрение кризисов и неравномерного географического развития подводит Харви к утверждению о том, что капитализм является глубоко иррациональной системой, порождающей неестественные ситуации, вроде той, что была в экономике США в 2009 году, когда без дела простаивала треть капитального оборудования, в то время как 17% американцев не имели работы. Ясно, что эта иррациональность будет только углубляться в будущем, так как для продолжения 3%-ного роста требуется поглощать все больше избыточного капитала, что создает необходимость во все большем «производительном разрушении», которое будет затрагивать жизни огромного множества людей.

Это заставляет Харви обратиться к теме коммунизма как альтернативы капитализму. Такой поворот может вызвать удивление у многих читателей его «Краткой истории неолиберализма», в которой вопрос альтернатив затрагивался очень робко, и создавалось впечатление, что Харви сознательно избегал критики капиталистического общества как такового⁴, словно боясь отпугнуть более широкую аудиторию. Показательно, что за несколько лет интеллектуальный климат очень сильно изменился. Совершенно ясно, что марксист Харви стал не радикальнее и в его взглядах вряд ли что-то изменилось; скорее, он понял, что теперь идеи, которые раньше могли вызвать лишь отторжение, сегодня способны найти отклик.

Козволюционная теория социального развития приводит Харви к понятию кореволуции, революционной трансформации, затрагивающей все сферы деятельности. Кореволуция не только должна включать борьбу против института частной собственности, но и вестись в области ментальных

4. Харви Д. *Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение.* — М.: Поколение, 2007. — С. 262–271.

концепций, трудового процесса, повседневной жизни и т. д. Только в этом случае можно будет говорить о подлинном коммунизме, основанном на горизонтальном контроле над производством и распределением прибавочного продукта.

В результате социальные группы и субъекты новой борьбы за коммунизм оказываются очень разнородными. Сам Харви выступает от имени «отчужденных и неудовлетворенных» интеллектуалов, чьей задачей оказывается борьба на уровне ментальных концепций. Но все же главную роль должны играть «обездоленные» и «лишенные», жертвы капиталистической эксплуатации и «накопления через лишение собственности». Столь же разнородным Харви видится движение за коммунизм и на политическом уровне, в рамках которого он выделяет и «сектантские» левые организации, и низовые движения, тяготеющие к анархизму, и традиционные рабочие организации и партии, и движения против накопления через лишения собственности, и движения в области политики идентичности.

Все они, по его мнению, составляют Партию негодования, выступая с позиций радикального эгалитаризма, несовместимого с капитализмом. *«Коммунисты — это все те, кто беспрестанно работает над созданием другого будущего, чем то, которое сулит нам капитализм... Вокруг нас миллионы фактических коммунистов»* (р. 259). Тезис очень спорный, но в рамки очерченной ранее теории коэволюционного развития вполне укладывается.

Два года назад Дэвид Харви написал предисловие к одному из очередных переизданий «Манифеста коммунистической партии» на английском языке. Теперь опубликован его собственный «Коммунистический манифест». Наверняка он будет воспринят по-разному, и реакцией на него окажется как восхищение, так и жесткая критика за теоретические недочеты или размытость политической стратегии. Но критерием истины, как всегда, окажется практика.